

Желтый флаг над Одессой*

Сорок лет назад в жарком августе 1970 года над Одессой взвился желтый флаг противохолерного карантина. На кораблях в порту привычное полотнище красного цвета с серпом и молотом заменили на желтое. Миллионный город был взят в плотное кольцо войск и милиции, в нем стали действовать законы и порядки чрезвычайного положения. Партийно-советская номенклатура на недолгий час уступила место у властного руля медикам и санитарам. Мировая печать, радио и телевидение передавали тревожные сообщения об эпидемии холеры, охватившей кроме южных ворот страны безбрежные просторы СССР. В самой же Одессе говорили о неких острых желудочно-кишечных заболеваниях, а страшное слово *холера* чиновники дрожащей рукой выводили лишь на документах с грифом "Совершенно секретно". Что же происходило на самом деле, горожане доподлинно не знали ни тогда, ни теперь, четыре десятилетия спустя.

Сегодня общественный интерес к этому неординарному эпизоду в новейшей истории Одессы возбужден случившейся осенью прошлого, 2009 года, эпидемией гриппа и карантинными мерами, болезненно пережитыми одесситами.

Задача настоящего исследования — на широкой источниковой основе рассмотреть предпосылки, ход и последствия холерной эпопеи в нашем городе не столько как санитарно-эпидемического, но как экстраординарного общественного явления, как одного из кризисных моментов в истории Одессы.** Впервые вводятся в научный оборот рассекреченные документы областных и городских партийных и советских органов, а также материалы областной санитарно-эпидемиологической станции (СЭС). Кроме того, для раскрытия темы изучены местная и зарубежная пресса, статистика Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), воспоминания очевидцев, медицинская литература.

Специальных научных работ (во всяком случае, в открытом режиме) об Одессе лета 1970 года нет, зато написано немало художественных произведений, в которых этот сюжет служит предлогом для веселого зубоскальства. Холера обогатила городской фольклор массой остроумных

* Публикуется с сокращениями.

** Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность Л.Я. Могилевскому, заместителю директора Украинского научно-исследовательского противочумного института им. И.И. Мечникова, за ценные консультации.

шуток, баек, анекдотов. После сильного испуга, как известно, люди больше и охотнее смеются. Несколько текстов разного свойства и достоинства (порой — весьма сомнительного) можно найти в Интернете. В этой "околохолерной" литературе особняком стоят две публикации: повесть одессита по происхождению писателя Александра Рекемчука "Пир в Одессе после холеры" (2001) и статья краеведа Александра Розенбойма "Пир во время холеры" (2004). Несмотря на схожие названия, это произведения совершенно разные. Во втором, по жанру исторической хронике, речь идет о происшествии далекого 1918 года, поэтому его в дальнейшем рассказе касаться не будем. Рекемчук же пишет о холере 1970 года, но "по касательной": писатель побывал в Одессе спустя три месяца после карантина. Эпидемия для него лишь повод еще раз рассказать о собственной жизни, в самом деле — увлекательной и полной приключений. В повести есть многое: и холера при Пушкине, который эту болезнь называл чумой, и биография замечательного писателя по фамилии Рекемчук, и умные рассуждения о творчестве, и сочное описание разнообразных южных застолий, нет только холеры в Одессе. Жизнь одесситов в противохолерном карантине дана лишь через восприятие некоторых персонажей повести. Так, одна знакомая писателя запомнила такое: "Трупы на улицах не валялись. Помидоры и огурцы с базара велели мыть с мылом. Еще повсюду стояли бочки с какой-то жидкостью, дезинфекцией".

Интереснее читать приведенный в повести довольно большой отрывок из интервью М. Жванецкого о событиях того знойного августа: "Холера в Одессе имела большой успех... Столько смеха в Зеленом театре не было никогда. Лица в Одессе стали хорошие, в городе вдруг появились продукты и такси. Перебоев с водой не было. На улицах была абсолютная чистота, несвойственная Одессе". После пятидневной обсервации на пароходе рассказчик уехал в Москву. "Через полтора месяца вернулись в Одессу, а там жизнь уже вернулась в нормальное русло: грязь, трамваи забиты, в магазинах пусто..." (О маленьком шедевре М. Жванецкого под заглавием "Холера в Одессе" будет сказано в конце настоящей статьи). Отметим, что идиллическое и ностальгическое восприятие городской жизни в условиях карантина присуще многим одесситам старшего поколения. Насколько верны такие завышенные оценки, постараемся показать далее.

Бесстрастные и не склонные к лирике исторические факты, однако, свидетельствуют об ином: XIX и XX столетия были для Одессы богаты на жестокие страдания населения, вызванные опустошительными заразы-

ми болезнями, главным образом, чумой и холерой. Не только Пушкин их смешивал; совсем недавно при переводе на русский язык романа Габриэля Гарсии Маркеса, который в подлиннике назван "El amor en los tiempos del colera", заглавие переименовали на "Любовь во время чумы". Даже для не знающего испанский язык ясно, что слово "colera" совсем не чума. Кстати, в английском переводе роман назван правильно "Love in the Time of Cholera". Тем не менее, такое смешение понятий простительно: еще в Библии обе болезни объединены под названием "мор, моровая язва". Так, Страшный суд будет сопровождаться "гладами, морами и землетрясениями" (Мф 24:7), а во Второзаконии непослушному народу Господь угрожает "моровой язвой", составные части которой суть такие: "чахлость, горячка, лихорадка, воспаление" (Втор 28:21). В этом перечне, правда, нет главного симптома холеры — расстройства желудка, жидкого стула.

Если вернуться к одесскому прошлому, то следует сказать, что жители молодого приморского города сначала познакомились с чумой, и лишь спустя десятилетия — и с холерой. Первая эпидемия чумы в 1812-1813 гг. была самой губительной: из заболевших 3,5 тыс. горожан погибли 2655. Зараза посещала город еще несколько раз, постепенно затухая. Оставим чуму в стороне и поговорим, как советовал Шолом-Алейхем, о чем-то более веселом, о холере.

В России холера появилась впервые в 1823 г., затем спустя семь лет возвратилась, из Астрахани дойдя по Волге до Москвы (именно эту эпидемию видел Пушкин). Летом следующего года она объявилась в столице империи. Вскоре она охватила Западную Европу, перекинулась в Северную Америку, опустошила крупнейшие города мира — Лондон, Париж, Нью-Йорк. В Воронцовском фонде Научной библиотеки ОНУ им. И.И. Мечникова хранится прелюбопытный сборник документов о холере, изданный британским министерством здравоохранения. Нет возможности на нем останавливаться, да и об Одессе в нем ничего не сказано. Наш город проклятая болезнь поразила во время четвертой пандемии, в 1865 г., до этого она бывала здесь лишь эпизодически. Эпидемия охватила кроме Одессы также Бессарабскую, Таврическую, Екатеринославскую и Киевскую губернии. Всего заболели более 13 тыс. чел., из них умерли четыре тысячи.

Холера появлялась регулярно в Одессе несколько раз в конце XIX — начале XX веков. Нет, видимо, необходимости подробно говорить о каждой эпидемии. Важнее подчеркнуть другое: наш город не только много раз страдал от чумы и от холеры, он стал одним из мировых центров преду-

преждения и лечения этих грозных заболеваний. Имена славных борцов против эпидемических инфекций — И.И. Мечникова, Н.Ф. Гамалея, В.А. Хавкина — золотыми буквами вписаны в историю микробиологии и эпидемиологии. В Одессе была основана первая в России и вторая в мире бактериологическая станция, где над изучением возбудителя холеры и его токсинов в течение многих лет работал будущий академик Н.Ф. Гамалея. Он написал ряд фундаментальных работ об этиологии и профилактике холеры, защитил на эту тему докторскую диссертацию. Гамалея, в частности, дал глубокий анализ вспышки холеры в Одессе в 1908 г., когда из 19 заболевших 15 умерли. Он пришел к выводу, что холерные эпидемии всегда поражают Пересыпь (так, кстати, случилось и в 1970 г.), и объяснил причину этому: в той части города отсутствовала канализация, а во многих домах — и водопровод. Поэтому для одесских условий характерен преимущественно водный путь распространения инфекции.

"Годом большой холеры" в России стал год 1910-й, тогда эпидемия снова появилась и в Одессе. Позже зараза побывала здесь в революционном 1918-м году, затем — в 1922-м году. Оба раза противоэпидемическую службу города возглавил еще один большой ученый — будущий академик Д.К. Заболотный. Подсчитано, что за сто лет (1823-1926) в России холерой переболели 5,5 млн. чел., из них погибли около 2,2 млн. чел., или 42% общего числа. После 1926 года холера в СССР не показывалась несколько десятилетий, и казалось, что она исчезла навсегда.

Громом среди ясного неба прозвучало в Одессе сообщение о появлении холеры в Батуми и Астрахани летом 1970 года. Послушаем, что об этом говорит архивный документ одесского облздрави. Из него явствует, что в середине июля одесским медикам из неофициальных источников, скорее всего, от моряков ЧМП, стало известно о появлении холеры сначала в Батуми, потом — в Астрахани. Из "неофициальных источников", потому что вся информация о холере еще пять лет назад была объявлена государственной тайной. Теперь, вместо того чтобы немедленно сообщить на места по официальным каналам тревожную весть, власть принудила одесских врачей пользоваться слухами и догадками. Тем не менее, они встревожились и приняли некоторые меры по приведению санитарных служб в готовность. С 26 июля в областной инфекционной больнице стали проводиться бактериологические исследования желудочно-кишечных больных по форме 30 на наличие холерного вибриона. Но только 3 августа поздно вечером (в 23 часа) из испражнений подозрительного больного был выделен холерный вибрион Эль Тор серотип Огава.

Первой жертвой начавшейся эпидемии стал Ф.Е. Лютиков, 57 лет, сторож расположенного в черте города на полях орошения совхоза им. Кирова. Он заболел накануне и был доставлен "скорой помощью" в тяжелом состоянии в инфекционную больницу в 9 час. 45 минут с подозрением на острый энтероколит. Сам Лютиков считал, что отравился копченой рыбой. Несмотря на все старания врачей, в 21 час 20 минут Лютиков скончался. Таким образом, для определения у него холерного вибриона лаборатории потребовалось более 13 часов. Конечно, такая медлительность может говорить лишь о недопустимой халатности врачей и крайне несовершенной методике их работы по холере. Но главный недостаток, как представляется, состоял в отсталости технико-материальной базы всей одесской медицины.

Безусловное проникновение в город страшного врага по имени Эль Тор вызвало бурную вспышку активности областных и городских властей. Можно без всякого преувеличения сказать, что ночь с 3 на 4 августа 1970 года многим одесским начальникам запомнилась на всю жизнь. Уже в полпервого ночи заработал противоэпидемический штаб очага, вскоре в его распоряжение прибыла рота солдат внутренних войск для оцепления инфекционной больницы, штаба и других учреждений. В это же время неприятная новость была передана первым лицам — секретарю обкома П. Козырю, председателю облисполкома А. Дуднику, главному санитарному врачу республики М. Мельнику, который срочно прибыл в Одессу, а также начальникам милиции и службы безопасности. Ночью и в первую половину дня 4 августа были развернуты госпитали для больных и отдельно — для подозреваемых (провизорский), изолятор для контактных. На Пересыпь и в район Хаджибеевской дороги направилась бригада врачей-инфекционистов для подворных обходов.

С 5 августа больные холерой стали поступать в госпиталь ежедневно: в этот день — четверо, на следующий — шестеро, причем из разных районов города, в том числе из пос. Ильичевск. Кроме того, 6 августа произошла новая неприятность: вибрион Эль Тор был обнаружен в морской воде пляжа Комсомольский (на Лузановке). В отчете отдела особо опасных инфекций областной СЭС подчеркнута: "На протяжении ряда лет из этой точки на пляже производился забор воды, и все исследования до 6 августа давали отрицательные результаты".

Стало совершенно ясно, что город охвачен инфекцией и что следует срочно принимать чрезвычайные меры для спасения населения, а именно поднять над Одессой желтый флаг противохолерного карантина и оце-

пить ее плотным кольцом. Первый шаг к этому был сделан 6 августа: Одесса была объявлена неблагополучным городом. Областная Чрезвычайная противоэпидемическая комиссия (ЧПК) решением № 1 констатировала начало эпидемии холеры и ввела карантин, означавший, что выезд из Одессы разрешался только после обсервации в специальных медицинских учреждениях. Карантин был также наложен на совхоз Кирова, гостиницу аэропорта и авиационную техническую базу. Войсками местного гарнизона были оцеплены поля орошения и побережье Хаджибеевского лимана. Было решено провести еще одно важное и необходимое мероприятие: с помощью милиции эвакуированы люди из курортной зоны на морском побережье от Сычавки до с. Приморское Килийского района. На следующий день тысячи отдыхающих бросились в панике к Одессе. По словам очевидцев, они не видели подобного бегства с трагических дней осени 1941 года, только тогда бежали из города.

Введенный ЧПК карантин, однако, оказался неэффективным: железнодорожный вокзал, морской порт и аэродром продолжали функционировать. Сплошной линии оцепления карантинной зоны не существовало. Между тем паника в городе усиливалась, началось повальное бегство приезжих: в аэропорту, на вокзале люди штурмовали самолеты и поезда. У всех на устах было пугающее слово *холера*, хотя местные власти в речах, по местному радио и в прессе твердили о неких острых кишечных заболеваниях (ОКЗ). Эта грубая ложь, впрочем, никого не могла успокоить.

В тот же день, 6 августа, было принято не подлежащее публикации совместное постановление обкома партии и исполкома областного совета "О проведении срочных мероприятий по профилактике заболеваний холерой в Одесской области". В констатирующей части сделаны ссылки на обострение эпидемической обстановки по холере в странах Ближнего Востока, имеющих регулярные транспортные связи с Одессой, и на случаи заболевания холерой в Батуми, Астрахани и Нахичевани. Далее, вопреки установленным фактам, лицемерно говорится о том, что "существует реальная угроза завоза на территорию области заболеваний холерой". В документе сказано об угрозе завоза, в то время как уже имеются более десятка холерных больных и в наличии трупы скончавшихся. Не будем далее останавливаться на этом обширном постановлении, содержащем декларативные призывы в известном стиле: "заслушать, усилить, принять меры, обеспечить, срочно составить план". В нем нет конкретных мероприятий; ничего, например, не сказано о карантинном режиме. Короче, документ провозглашает необходимость профилактики холе-

ры, в то время как ЧПК вводит карантин, который не срабатывает и лишь усиливает общую неразбериху. Естественным образом, паника среди местного населения (по данным статистики, оно насчитывало 860 тыс.) и приезжих (до 300 тыс.) в эти два дня, 6 и 7 августа, только усиливается.

Пока власти мечутся и не знают, что предпринять, эпидемия стремительно ширится. На 12 часов 7 августа в различных районах города выявлены 12 больных с доказанным наличием вибриона Эль Тор в организме. Кроме упоминавшегося Лютикова от холеры скончались еще два одессита — работник ликероводочного завода и безработный житель Ильичевска. Стало ясно, что следует немедленно изолировать Одессу, иначе эпидемия распространится на всю страну. Тот карантин, который ЧПК объявил 6 августа, санитарную безопасность обеспечить не мог.

8 августа, наконец, партийно-советское руководство решилось на крайние меры. ЧПК приняла два постановления. Постановлением № 3 все пионерские лагеря Одессы закрыты и превращены в обсервационные пункты. Начальник железной дороги должен был подготовить не менее десяти пассажирских поездов и до конца дня разместить в них пассажиров, находившихся на вокзале и не имевших в Одессе жилья. Начальнику ЧМП даны указания суда "Победа" и "Абрау-Дюрсо" в рейс не выпускать. Посадку разрешить только пассажирам из других городов, затем вывести суда на рейд и поставить на шесть суток на обсервацию. Наконец, признано необходимым с 6 часов вечера город с прилегающими сельскими районами оцепить плотным кордоном войск и милиции.

Другое постановление (№ 4), принятое в тот же день, названо "О введении карантинного режима". Оно предусматривает конкретные и строгие ограничения на транспортное сообщение Одессы: с 15 часов прекращается выезд пассажирских поездов и вылет самолетов, кроме спецрейсов. Закрываются все городские пляжи; запрещалась выписка отдыхающих из всех санаториев и домов отдыха, независимо от срока путевок и наличия билетов на выезд. С 9 августа все здравницы, дома отдыха, турбазы объявлялись на обсервации; то же самое произошло с пионерскими лагерями. В постановлении обозначена граница карантинной зоны: Сычавка, Вороновка, Булдынка, Выгода, Граданицы, далее по р. Днестр до с. Маяки, Николаевка, Овидиополь (включительно), Затока (исключительно). Для обеспечения продуктами и предметами первой необходимости населения, оказавшегося в закрытой зоне, создавались пять перевалочных баз, в частности, в Маяках, Затоке и Алтестове. И последнее: чтобы не допустить резкого повышения цен на рынках из-за прекращения

подвоза, вводились жесткие цены (выражение документа) на продукты питания, реализуемые колхозниками. Эти цены не должны были превышать те, что сложились до введения антихолерного карантина. Немаловажный факт: изложенный выше важнейший документ не был доведен до сведения граждан, он надолго был похоронен в секретных архивах.

Изоляция охваченного эпидемией города от внешней среды — важное, но не достаточное для ликвидации болезни мероприятие. Нужно было срочно уничтожить антисанитарию, убрать с улиц и дворов мусор и разные нечистоты, где вольготно себя чувствовали холерные вибрионы. На следующий день после введения карантина горисполком принял общеобязательное решение "О повышении ответственности за санитарное состояние города". Это был первый документ антиэпидемической направленности, опубликованный в местной печати, хотя в нем и не было ключевых слов для понимания ситуации: "*холера*", "*эпидемия*", "*карантин*". До этого жители города ежедневно читали в газетах призывы пить только кипяченую воду, мыть с мылом не только руки, но и купленные на рынке овощи и фрукты и всячески беречься желудочно-кишечных заболеваний. В тот же день, когда увидело свет это решение, 11 августа, "Медицинская газета" напечатала роковое слово *холера*: одесситы узнали о "случаях заболевания холерой" в далекой Астрахани.

Сокрытие истинного положения в осадном городе приняло гротескные формы: даже адресованные партаппарату и госчиновникам документы избегали слова *холера* и повторяли ничего не объясняющую формулу "острые кишечные заболевания". Так, в постановлении горкома партии от 8 августа "О серьезных недостатках в соблюдении санитарного режима города", где остро критиковался мэр В. Шурко, весьма туманно сказано о "появлении в городе острых желудочно-кишечных заболеваний, иногда со смертельным исходом".

Критика партийного органа пошла на пользу, в городе взялись за наведение санитарного порядка. На сессии городского совета в конце года были приведены цифры на этот счет, хотя отдельным вопросом борьба с холерой опять-таки не стояла: "За короткий срок в городе было развернуто 29 госпиталей и изоляторов на 6 тыс. мест и около 200 обсерваторов более чем на 65 тыс. мест. В период карантина было привлечено к подворному обходу для выявления больных холерой и лиц с нарушением функций кишечника свыше 14 тыс. медработников". Далее исполком перечисляет итоги очистительной работы: "Очищено от мусора 1900 дворов, 300 подвалов, вывезено на свалку свыше 3210 тонн разного мусора".

Если бы не эпидемия, эти нечистоты, возможно, накапливались бы еще много лет.

Одновременно ужесточилась борьба с нарушителями санитарных норм и беглецами из карантинной зоны. В местных газетах публиковались в назидание другим имена наказанных.

Желтый флаг противохолерного карантина развевался над Одессой в течение 40 дней. Жизнь в закрытой зоне не была столь идиллической, как это многим запомнилось: трамваи полупустые, нет очередей, на рынке овощи и фрукты дешевы, как никогда, везде чистота и порядок. Увы, проблем было много, и все они требовали срочного решения: и снабжение города продовольствием, и бесперебойная работа промышленных предприятий, и выполнение поставок по импорту-экспорту в морском порту, и начало учебного года в школах и вузах, и вывоз иногородних, прошедших обсервацию, и многое другое. Но на первом месте, естественно, стояла кратчайшая ликвидация холерной эпидемии. Чтобы обнаружить очаги заразы, локализовать их и проверить состояние здоровья населения, практиковались подворные обходы медиками и сандружинниками (последних было задействовано 11 тыс.). По состоянию на 8 часов утра 19 августа ежедневными подворными обходами было проверено 338 тыс. домов; в них о состоянии здоровья и, конечно, о работе желудочно-кишечного тракта опрашивались все, от мала до велика. При малейшей жалобе на жидкий стул подозрительного забирали в провизорский госпиталь. Кроме того, была проведена профилактическая вакцинация медработникам, персоналу аэропорта и плавсоставу ЧМП, всего 5,5 тыс. человек. Остальному населению было решено ее не проводить по двум причинам — дороговизне и малой эффективности.

Бороться с проклятым вибрионом решили, по совету московских экспертов акад. Н. Жукова-Вережникова и проф. Е. Ковалевой, иным путем, а именно проверенным в Каракалпакии одномоментным приемом антибиотиков. 14 августа на последней странице местной газеты в традиционной рубрике "Служба здоровья" одесситы могли прочитать сообщение о лекарственной профилактике всего городского населения с утра 15 до вечера 18 августа. Надо было принимать по одной таблетке тетрациклина три раза в день в течение 4 дней. Приобрести лекарства можно было в ближайшей аптеке. Рядом с этим объявлением на полосе стояла статья проф. Е. Ковалевой "Меры доступные, эффективные". И снова болезнь не имеет имени, а ее возбудители витиевато названы "болезнетворными агентами", хотя одесситы уже привыкли к слову "вибрион". Минздрав

СССР обеспечил завоз в Одессу 4,5 млн. конвалют тетрациклина и окситетрациклина, а всего было продано населению 2,3 млн. конвалют из расчета на 950 тыс. человек взрослых и детей старше четырех лет. Но население стало принимать антибиотики стихийно раньше назначенного срока: только за один день, 9 августа, было продано 204 тыс. конвалют. Это говорит, между прочим, о том, что в Одессе самых больших секретов долго хранить нет никакой возможности.

Важно отметить, что Одесса и под желтым карантинным флагом не превратилась в "мертвый город". В первые дни после введения карантина государство как единый собственник всего экономического потенциала страны несло убытки из-за прекращения экспортно-импортных операций. Они, правда, в минимальном объеме продолжались. Затем со временем кольцо карантина стало разжиматься. В начале сентября власти через посредство ВОЗ объявили на весь мир, что порты Одессы и Керчи "открыты для торговли". Это, однако, не касалось пассажирского флота: корабли с советскими туристами, возвращавшиеся из зарубежных круизов, разгружались в Николаеве, Херсоне или Новороссийске. Аэропорт Одессы работал преимущественно на отправку застрявших здесь курортников. За период карантина было отправлено 56 тыс. пассажиров, а принято — в два раза меньше. Улетавшие в обязательном порядке проходили процедуру обсервации не менее пяти дней.

В середине августа в Одессе наступил пик заболеваемости холерой. Об этом свидетельствуют такие цифры: 13 числа заболело 15 чел., 15 числа — 8 чел. Затем холера начала отступать: только 16 и 20 августа зафиксировано по пять больных, в остальные дни — двое-трое. Затем 23 августа — трое. 24 августа — ни одного. В конце месяца и в начале следующего регистрировались через день по одному, а с 5 сентября больные в госпиталь перестали поступать. Областная ЧПК, тем не менее, решила выжидать еще 10 дней.

О том, что худшее позади, для одесситов сигналом послужило впервые появившееся в печати запретное слово *холера*. Это произошло 4 сентября в газете "Знамя коммунизма", и роковое слово произнесли не государственные мужи, а журналисты А. Иванов и Ф. Кохрихт. В интервью, взятом у проф. Е. Ковалевой и опубликованном под названием "В борьбе с коварным вибрионом", они напрямик спросили: "Что думают врачи по поводу случаев заболевания холерой?". Вопрос, как сейчас представляется, поставлен предельно корректно: не "эпидемия холеры", а лишь "случаи холеры". В ответе ничего не говорилось о карантине и как долго он еще про-

длиться. Читая этот материал, одесситы убедились в правдивости своих подозрений, что город поражен опасной болезнью, но завеса таинственности еще продолжалась ровно 12 дней.

И только 16 сентября местные газеты вышли с радостной новостью на первой полосе: "Карантин снят". Как помнится, о том, что он введен, нигде публично не сообщалось. "Вчера в 12 часов снят карантин". Далее шло интервью с председателем облисполкома и ЧПК А. Дудником, который начал разговор магической формулой "как известно", хотя непонятно, откуда населению могло быть известно содержание секретного документа: "Как известно, в субботу, 8 августа, решением республиканского ЧПК Одесса была объявлена на карантин. В связи с тем, что с 5 сентября не было ни одного случая заболевания на холеру, решено карантин снять". Однако и после этого оставались в силе прежние ограничения: въехать в город можно было только по служебным делам. Выезд разрешался по командировочным удостоверениям и справкам о прохождении осмотра на вибрионосительство. Полная свобода передвижения в Одессе была восстановлена лишь с 7 октября.

Победив страшную опасность, одесситы стали подсчитывать потери — и материальные, и людские. Не подлежит сомнению, что финансовые затраты были огромными, но они до сих пор засекречены, и неизвестно, где искать документы по этому вопросу. Скорей всего, в фондах Совета министров УССР. Легче сказать об итоговых цифрах по больным и умершим, хотя в разных документах они не совпадают. Сначала об одесситах, заболевших холерой. На этот счет имеются три цифры: 126, 104 и 112. Все они приведены в оперативном донесении штаба очага на 8 часов утра 18 сентября: зарегистрировано больных всего 126, лабораторно подтверждены 104 случая. Далее идут следующие данные: выявлено контактных 4052, из них изолированы в изоляторы 2610. Под медицинским наблюдением находились 1452 чел., поступили в провизорские госпитали 4696 чел. Выписано всего 8481 чел., из них больных холерой 112 чел. Если перевести на понятный язык весь набор цифр, то можно предложить такое объяснение: больных холерой было 126 чел., из них выздоровели и были выписаны из госпиталей 112 чел., остальные 14 умерли. В другом документе приводится еще одна цифра: в холерном госпитале побывали 113 чел. Однако холерные больные могли находиться и в других местах, хотя и в небольшом числе. Наконец, в постановлении республиканской ЧПК, принятом в апреле 1971 г., говорится, что в Одессе холерой в прошлом, 1970 году, заболело 125 чел. Последняя цифра, по всей вероятности, и есть самая надежная.

Немало путаницы по поводу летальных исходов от холеры летом 1970 года. В журнале регистрации больных холерного госпиталя занесены данные о шести умерших и даны их фамилии. В итоговой справке к этим шести добавлены еще семеро, скончавшихся от сопутствующих болезней, итого 13 чел. Однако данные отдела особо опасных инфекций областной СЭС говорят о 20 случаях смерти от холеры. Желая проверить надежность письменных документов методами устной истории, автор статьи взял интервью у доктора В.С. Фиалковского, работавшего прозектором в областной инфекционной больнице во время холерной эпидемии. Не зная цифры указанных выше документов, на основе собственного опыта он твердо заявил: от холеры в Одессе умерло 20 чел., из них 14 — в городе, и 6 — в районах области.* Таким образом, можно считать установленным, что в августе-сентябре 1970 г. во время эпидемии холеры заболело 125 чел., из них 20 чел. скончались. Материальные же потери — неисчислимы.

Хотя с 15 сентября карантинный желтый флаг над Одессой сменился на привычный красный, коварная болезнь продолжала угрожать городу и в последующие месяцы.

Сегодня можно уверенно сказать, что все, что сделано в Одессе за последние 40 лет в области совершенствования городского санитарного состояния, сделано под прямым или косвенным воздействием холерной эпидемии 1970 года. Еще в 1908 г. Н.Ф. Гамалея в одной из статей о холере высказал парадоксальную мысль о роли этой болезни в деле улучшения санитарии крупных городов: "Холера по тем большим услугам, которые она оказала и до сих пор оказывает делу санитарии, занимает особенное место среди других инфекций. Давно уже она заслужила название сподвижницы гигиены. Еще правильнее называть холеру верховным санитарным инспектором с неограниченными полномочиями... Можно смело утверждать, что до сих пор все, что сделано городом для обеспечения здоровья обывателей, вызвано прямо или косвенно страхом перед холерой". Как бы цинично ни звучали слова великого ученого, они фундаментально справедливы: холера — самый строгий инспектор санитарного дела, справедливый и неподкупный судья городских властей. Совершенствование и налаживание городского хозяйства Одессы за последние 40 лет шло путем ликвидации тех вопиющих недостатков, которые обнаружила костлявая старуха

* Выражаю доктору В.С. Фиалковскому глубокую благодарность за эти сведения и беседу.

с косо́й (так ее изображали на старинных гравюрах), пожаловавшая к нам летом 1970 года.

Уроки и предостережения прошлого касаются не только повышения санитарной устойчивости и безопасности, как то предлагали ученые-инфекционисты в статье, напечатанной еще в 1970 г. в местной газете. Речь идет также о морально-психологическом климате в городе, о личной гигиене, об этике общественного поведения и межличностных отношений. Главный урок, если угодно, — завет 40-дневного пребывания одесситов в противохо́лерном карантине, — метафизический. Его замечательно описал Альбер Камю в романе "Чума", и состоит он в таких нравственных ценностях, как служение долгу, человеческая солидарность, сострадание, моральная и физическая чистота. Эти качества в полную меру проявили в тяжелейших условиях тысячи одесских медицинских работников. Общая беда объединила на некоторое время и облагородила поведение всех горожан. Они пришли в то состояние, о котором вспоминает Михаил Жванецкий: "Лица стали хорошие, на улицах абсолютная чистота". В своей замечательной лирической миниатюре "Холера в Одессе" он продолжает: "Мы живем в одном доме, и лозунг наших врачей — "чистые руки" — пусть будет перед глазами в прямом и переносном смысле. Чистые руки, чистая совесть, чистые глаза перед людьми...".

